

1

Ф. И. Шаляпин о Харбине и Шанхае.

/Послед. Новости. 30 Июня 1936 г./

.....к сожалению моему, как вам уже из газет известно, от некоторой части русских мне пришлось просто на-просто убежать!.. Третьяго концерта в Шанхае я не пел, хотя он был об'явлен. Утром этого дня я, никому не говоря ни слова, покинул Шанхай с глубочайшим отвращением. Ничего я, разумеется, не боялся, но стало мне невыносимо противно. Много я на своем жизненном пути встречал разных зоологических типов. Одни с длинными ушами, другие с лягающими копытами, но тут я столкнулся с зоологическими типами в больших рогах. А я только артист, не торреадор!

Меня желали использовать в чуждых мне совершенно политических целях, и когда я от этого - прямо скажу - брезгливо уклонился, меня признали "врагом эмиграции" и "жидовским прихвостнем". Да конечно, правда, что я враг эмиграции, если эмиграция то, что я собственными глазами с чувством ужаса и ^вотращения видел в Харбине. В конце марта, японцы приурочили ко дню падения Мукдена какой-то авиационный праздник. Естественно: они праздновали свою национальную победу над врагом. По городу длинной лентой без конца тянулась процессия. Японския части, манчжурския - все роды оружия. И, что же вы думаете, выпало мне увидеть? В русских военных и кадетских мундирах человек четыреста русских шествуют в строю в память поражения русской армии!.. Не "армии 111 интернационала", как изволят иные выражаться о красной армии, а армии императорской!.. Их, "патриотов", собственной армии!.. Вот это незабываемое впечатление позора окрашивает для меня все то, что произошло....

Вдруг, из Харбина телеграмма от какого-то бюро русских эмигрантов, возглавляемого нем. Бакшеевым, "заместителем" атамана Семенова. Тон телеграммы, в высшей степени, хозяйский, повелительный. Концерт Шаляпина, носителя русской славы, должен состояться под флагом эмигрантского бюро, которое, должно быть, является носителем русской державности на Дальнем Востоке. В намеченном зале /лучшем в городе/ выступление Ф. И. "недопустимо", не соответствует его достоин-

ству. И т. д. Строк, человек деловой, ездивший из Америки в Зальцбург, чтобы уговорит Ф. И. поехать в Японию и Китай, пожал плечами. Комитету послали ответ в том смысле, что все налажено, и ничего ни от кого не требуется. Но, приехав в Харбин, Строк увидел, что дело серьезно. В русских делах семеновское бюро диктаторствует, опираясь на власть. Посылают в газеты декларации, которые оно обязано помещать, запрещают, приказывают. Если Шаляпин не пойдет в ногу с бюро, то ему будет объявлен бойкот. В день концертов, объявленных по инициативе "Зари", бюро устроит концерт шаляпинских пластинок с платой в 10 центов за вход. "Ни одного цента Шаляпину". В этом смысле в харбинские газеты послан был эмигрантский бюро для обязательного помещения призыв.

К Ф. И. стали поступать ругательные письма. Русский, а не мог позвать русских врачей, - позвал жидов!... А "декреты" следовали один за другим: Ф. И. должен, в виду поста, петь два раза в церкви, должен об'ехать с аккомпаниатором все русские школы /для приличия, и одну японскую/, и в каждой спеть две песни. Это у него отнимает "всего только" пять-шесть часов работы /концерт длится обыкновенно полтора часа/. Он должен дать два концерта - один в пользу бедных, другой - для бедных. Он должен спеть по радио /конечно, бесплатно, для удовольствия публики/ и, по крайней мере, если не петь, то сказать благодарственную речь эмиграции.

Посыпался дождь оскорбительных писем, в которых Ф. И. изображался изменником "русскому делу" и пленником "жидов". Но об атмосфере вы получите представление по следующему случаю. Вечером концерт. В отель является молодой доктор Р-ский от имени Общества русских врачей. Общество постановило во вчерашнем заседании... "освидетельствовать великого русского певца"! Я удивлен, говорю: Шаляпин вечером поет. "Как поет!?" - схватился за голову посланник русского общества врачей. - С температурой!...". Ф. И. отлично себя соблюдает, - отвечаю. - Знает, когда может петь, когда не может. Не беспокойтесь. "Великий артист не в надежных руках", - выпаливает д-р Р-ский. - "К принудительным осмотрам Ф. И. не привык", - отвечаю я и прошу доктора оставить "великого русского артиста" в покое....

Закончу тем, что травля Ф. И. в Шанхае, как видите из дат, началась до вся-

ного обращения к Ф. И. с просьбой о благотворительном концерте. Подыскали какого-то англичанина и просили его написать письмо в редакцию английской газеты с нравоучениями Шаляпину. И еще до всякого обращения к нему с этой просьбой стали поступать письма такого рода: "Запомните эти слова, Федор Шаляпин. Ужасная судьба постигнет вас до конца этого турне". Письма почему-то писались по-английски, но знатоки языка обнаруживали в них без труда русские следы.